

опасается, что другие люди считают его таковым и могут презирать его за это. Зависть, властолюбие, стяжательство и связанные с ними враждебные влечения тотчас же обращаются против его природного довольства самим собой, *когда он находится среди людей*. И для этого вовсе не нужно, чтобы последние погрязли во зле или подавали соблазнительные примеры. Вполне довольно и того, что они его окружают и что они люди, — чтобы губить моральные задатки друг друга и взаимно становиться дурными» (R 6, 93—94).

³ В своей книге «Социологические основания в каптовской критике познания» (Вена, 1924) австрийский марксист Макс Адлер проникательно показал, что моральная философия Канта по своему смыслу социалистическая и что в философии религии этот социализм становится наиболее очевидным.

Перевод с англ. Л. А. Калининкова.

Акад. Т. И. ОЙЗЕРМАН

(Институт философии РАН)

Учение Канта об изначальном зле в человеческой природе

Обсуждение проблемы человека в докантовской философии всегда предполагало постановку вопроса: является ли человек по природе своей добрым или, напротив, злым существом? Одни философы (к примеру, Т. Гоббс) утверждали, что человек по природе своей (или в естественном, предшествующем цивилизации состоянии) злое существо, и цивилизация, гражданское общество необходимы для того, чтобы обуздывать его изначальную злонамеренную сущность. Другие философы (к ним, прежде всего, следует отнести Ж.-Ж. Руссо), напротив, были убеждены в том, что человек изначально добр и все зло проистекает вследствие деформации, извращения человеческой природы. Третья группа философов полагала, что человек по природе своей ни добр и ни зол; он становится тем или другим в зависимости от жизненных обстоятельств. Такова, в частности, была точка зрения французских материалистов XVIII века.

Кант, автор работы «Об изначальном злом в человеческой природе», представляется, во всяком случае на первый взгляд, сторонником убеждения Т. Гоббса. Он часто говорит, и не только в этом, но и в других своих сочинениях, о злонамеренности человеческой природы. И тем не менее воззрения Канта на сущность зла радикально отличаются от убеждений Гоббса и всех других указанных выше мыслителей. Все они, говоря о человеческой природе, имеют в виду такие сущностные черты человеческого существа, которые ему прирождены, неизменны и совершенно не зависят от его сознания и воли. Человек не властен над своей природой — таково убеждение всех предшественников Канта.

Кант вовсе не отрицает объективной обусловленности определенных сущностных характеристик человеческого существа.

В названном выше сочинении он анализирует объективно присущие человеку *задатки* животности, *задатки* человечности, *задатки* личности. Кант говорит именно о задатках, то есть таких чертах человеческого существа, которые могут и должны быть развиваемы, совершенствуемы человеком. В этой связи становится понятным, почему Кант не воспринимает традиционного представления о человеческой природе как о некоей изначально заданной и в принципе неизменной сущности. В противоположность такому воззрению Кант заявляет: «Здесь под природой человека подразумевается только субъективное основание применения его свободы вообще (под властью объективных моральных законов), которые предшествуют всякому действию, воспринимаемому нашими чувствами» (4(2), 22)*.

Таким образом, Кант пересматривает философское понятие человеческой природы, утверждая, что ей изначально присущи не только объективно обусловленные сущностные черты, но и не менее (пожалуй, даже более) существенная субъективность, необходимым выражением которых являются воля и свобода. Нетрудно понять причины, объясняющие эту принципиально новую постановку вопроса о человеческой природе. Кант правильно увидел несостоятельность воззрений, согласно которым зло (или добро) считаются присущими *объективно обусловленной* природе человека. Если последовательно придерживаться этих воззрений, то человек не может рассматриваться как ответственный за свои поступки существо: ведь они в таком случае детерминируются его природой. Необходимо, следовательно, включить в понятие природы человека человеческую субъективность, без которой человеческое существо оказывается не субъектом, а всего лишь объектом. Подходя с этой точки зрения к анализу зла в человеческой природе, Кант утверждает: «Стало быть, основание злого находится не в каком-либо объекте, который *определяет* произвол через склонность, и не в каком-либо естественном побуждении, а только в правиле, которое произвол устанавливает себе для применения своей свободы, то есть в некоторой максиме» (4(2), 22).

Постановка вопроса об *исзначальном* зле в человеческой природе предполагает выявление той определенности этой природы, которая также является *изначальной*. Такой сущностной определенностью человека, как это видно из приведенных высказываний Канта, является присущий человеческой воле произвол. Поскольку в мире явлений все человеческие поступки детерминированы и, следовательно, несвободны, понятие произвола требует признания существования *трансцендентального субъекта*, который безотносительно к эмпирическим обстоятель-

* Здесь и далее ссылки на сочинения И. Канта по изданию: Кант И. Сочинения: В 6 т. М., 1963—1966,—даются в тексте в круглых скобках (цифра до запятой означает номер тома, после запятой — страницу).

ствам определяет поступки людей. Одни из этих поступков согласуются с моральными законами, другие, напротив, представляют собой отклонение от них, то есть злые поступки.

Каковы субъективные основания возможности отклонения наших побудительных мотивов от требований морального, категорического императива? Кант указывает на свойственную людям склонность смешивать неморальные мотивы с моральными. Не менее существенна и склонность совершать сообразные с долгом поступки не из одного только чувства долга. Есть и другие эмпирически констатируемые субъективные основания возможности отклонения нашего поведения от нравственных законов, т. е. возможности зла. К ним, прежде всего, конечно, относится человеческая чувственность, которая побуждает человека совершать различные, не только добрые, но и злые поступки. Кант далек от недооценки роли чувственности в поведении людей, но, поскольку речь идет об *изначальном* зле в человеческой природе, ссылка на чувственные побудительные мотивы все же недостаточна.

Чувственность как существенная характеристика человеческого индивидуума находит свое необходимое выражение в себялюбии. Не является ли себялюбие, эгоизм основной причиной морального зла? На первый взгляд представляется, что Кант утвердительно отвечает на этот вопрос, поскольку он утверждает, что «себялюбие, если оно признается принципом всех наших максим, есть как раз источник всего злого» (4(2), 49—50). Однако достаточно вдуматься в это положение, чтобы понять, что источником всего злого является не само по себе самолюбие, а признание его в качестве принципа всех наших максим, т. е. основной поведенческой нормы.

Себялюбие, как и чувственность вообще, относятся к эмпирическим, следовательно, обусловленным, не принадлежащим к сфере свободного произвола характеристикам человеческого существа. Что же касается отклонения от моральных законов, то оно, как проявление произвола, вообще не может быть следствием предшествующих ему во времени (и, следовательно, эмпирических) обстоятельств, цепь которых всегда образует причинно-следственный, детерминируемый ряд и поэтому в принципе исключает произвол. Между тем, как постоянно настаивает Кант, нет таких причин в мире, которые могли бы заставить человека перестать быть существом, действующим свободно. Следовательно, недобрые человеческие поступки могут возникать лишь из изначального злого, т. е. предшествующего всем совершающимся во времени поступкам, отклонения от моральных законов. Понятна поэтому необходимость обращения к концепции трансцендентального субъекта, который, согласно учению Канта, представляет собой «вещь в себе», непознаваемый субстрат явлений, существующий вне времени и пространства, поскольку последние трактуются как чистые формы со-

зерцания. Именно из понятия трансцендентального человеческого субъекта как «вещи в себе» вытекает и кантовский тезис о принципиальной непознаваемости первоисточника злого в человеческой природе. Кант постоянно подчеркивает этот вывод, необходимо следующий из всего его учения: «Для нас, следовательно, нет никакой понятной причины того, откуда впервые могло бы появиться в нас морально злое» (4(2), 47).

С помощью понятия трансцендентального человеческого субъекта Кант обосновывает возможность свободы вообще, так же, как и возможность проистекающего из произвола отклонения от нравственного императива. Это отклонение, действительно, не может быть объяснимо обстоятельствами, которые непосредственно предшествуют тому или иному недоброму поступку. Во-первых, такое предшествование во времени исключает произвольный, а значит и вменяемый характер этих поступков. Во-вторых, недобрые поступки в принципе не сводимы к тому, что им непосредственно предшествует.

Такого рода поступки предполагают наличие определенных склонностей, то есть более глубокие субъективные основания совершаемых поступков, чем их ближайшие побудительные мотивы. И понятие трансцендентального субъекта, несмотря на присущее ему идеалистическое содержание, как раз и указывает на это сложное, опосредованное отношение между характером, склонностями, влечениями индивидов и их поступками, которые отнюдь не определяются (вопреки видимости) их ближайшими основаниями, именуемыми мотивами, причинами и т. д. «Если действие,—говорит Кант,—соотносят с причиной, которая с ним связана по законам свободы, как это бывает с морально злым, то определение произвола к его порождению должно мыслить не соединенным с его определяющим основанием во времени, а только в представлении разума, и оно не может быть выведено из какого-нибудь *предшествующего* состояния, а это всегда должно случаться, когда злой поступок как *событие* в мире соотносят с его естественной причиной. Таким образом, поиски происхождения во времени свободных поступков, как таковых (словно естественных действий), есть противоречие...» (4(2), 42—43). Этот вывод, как нетрудно заметить, относится не только к понятию свободы вообще, но и к понятию произвола, порождающего отступление от моральных законов.

Весь предшествующий анализ работы Канта «Об изначальноном злом в человеческой природе» может создать впечатление, что Кант, вопреки оговоркам, сделанным мною в начале статьи, присоединяется, в конечном счете, к тем своим предшественникам, которые обосновывали тезис: человек по природе своей злое существо. Такое впечатление может укрепиться при беглом просмотре этой работы Канта, третий раздел которой называется «Человек по природе зол». И все же вышеуказанный вывод совершенно не соответствует ни духу, ни конкретному

содержанию рассматриваемой работы, как и всего учения Канта. Дело в том, что природа человека (на это было указано в начале статьи) понимается Кантом не как не зависящая от него обусловленность его поступков, а как способность человека поступать соответственно своему произволу, который и является *differentia specifica* природы человека. И Кант разъясняет: положение — человек по природе зол — отнюдь не вытекает из понятия человеческого рода, из понятия человека вообще. Оно вытекает из субъективного, обусловленного произволом, а не необходимостью, основания. «Суждение — *человек зол*, согласно сказанному выше, выражает только то, что человек сознает моральный закон и тем не менее принимает в свою максиму (случайное) отступление от него» (4 (2), 34).

Человек осознает моральный закон — в этом положении Канта заключена важнейшая черта его этического учения, согласно которому изначальное зло есть отступление от нравственного закона, внутренне присущего духовной природе человека. Человеческий индивид может не иметь сколько-нибудь ясного, правильного представления о самом себе, о строении своего тела, своих душевных способностях, но он не может не сознавать моральный закон, нравственный императив, который непосредственно проявляется в нем как требование совести.

Совость — родовая, сущностная характеристика человека. Она присуща даже самому злонамеренному человеку, который, поступая вопреки совести, тем самым признает *de facto* то, от чего он отклоняется. И если какого-либо человека называют бессовестным, то имеется, в сущности, в виду не отсутствие совести, а склонность игнорировать ее недвусмысленные, самоочевидные требования. В этом смысле правомерно говорить не об отсутствии совести, а об отсутствии совестливости, то есть сознательном непризнании требований совести, или морального закона, исключающего смешение добра и зла.

Совость, согласно Канту, не есть нечто приобретенное. Это — не что иное как практический разум в его кантовском понимании. «Каждый человек, — говорит Кант, — имеет совесть, и он всегда ощущает в себе внутреннего судью, который наблюдает за ним...» (4 (2), 376). Если бы не было совести, то не было бы и нарушений морального закона, который лишь формулирует в качестве категорического императива то, чего требует совесть.

Понятие совести, которому Кант придает, так сказать, субстанциальное значение, по-новому высвечивает его представление о человеческой природе так же, как и представление о коренящемся в ней изначальном зле. В свете кантовского положения о принципиальной неустранимости совести, то есть морального сознания, зло выступает лишь как отклонение от действительной сущности человека, которую образует практический (нравственный) разум. И несмотря на изначальное (не

сводимое к эмпирическим обстоятельствам) зло, наличествующее в человеческой природе, присущее, согласно Канту, даже самому лучшему из людей, человек как разумное существо не только должен, но и может быть нравственным существом, как этого требует его природа.

Гегель упрекал Канта в абстрактном противопоставлении должного существу. Этот упрек во многих отношениях оказывается неоправданным. Должное, с точки зрения Канта, не сводимо к недостижимому идеалу. Такое понимание должного противоречит этике Канта, согласно которой должное вполне осуществимо. Если бы должное представляло собой нечто недостижимое, требования морального закона были бы лишены смысла. Это значит, что доброе начало может быть понято не только как сознание долга, неразрывно связанное с неустрашимостью совести, но и как вполне определенные задатки, присущие человеческой природе. Об этих, отнюдь не трансцендентных (и не трансцендентальных) началах Кант говорит: «И все же первоначальные задатки (которые никто другой не мог испортить, кроме самого человека, если ему должна быть вменена эта испорченность) суть задатки доброго» (4 (2), 47). Отсюда ясно, что, согласно Канту, в человеческой природе, наряду с изначальным злом, наличествует изначальное добро.

Человек не только должен быть нравственным существом; главное состоит в том, что он вполне способен быть таковым. Это вполне в его силах, вполне соответствует его природе, которая заключает в себе не только субъективное основание зла (произвол), но и задатки человечности, личности, немислимые без нравственного образа мыслей и соответствующих ему поступков. Задатки личности, говорит Кант, — «это способность воспринимать уважение к моральному закону как сам по себе достаточный мотив произвола». И развивая это определение, Кант подчеркивает, что «идею морального закона с неотделимым от нее уважением к нему нельзя назвать задатками личности; она уже сама личность...» (4 (2), 29).

Таким образом, Кант, с одной стороны, развивает учение об изначальном зле в человеческой природе, а с другой стороны, характеризует человеческую личность как, в сущности, моральное существо. Эти противоположные сущностные характеристики человека одинаково правомерны, несмотря на то, что они противоречат друг другу, носят взаимоисключающий характер. Правомерность этого противоречивого отношения определяется развитием личности, понимаемым как борьба с «причинами зла», борьба между добром и злом, которые коренятся в человеческой природе, в присущих ей субъективных основаниях.

Кант указывает, что в греческом языке слово «добродетель» означает также мужество, храбрость и тем самым предполагает наличие врага. Добродетель немислима без борьбы. Эту

тому Кант обстоятельно развивает в сочинении «Религия в пределах только разума», вторая часть которого носит название «О борьбе доброго принципа со злым за господство над человеком». Кант, следовательно, признает наличие в человеческой природе двух противоположных начал, ограничивая тем самым свое ранее высказанное положение об изначально злом в природе человека.

Доброе начало в человеческой природе не сводится к одному лишь голосу совести, который всегда дает о себе знать. «Естественные влечения,— говорит Кант,— *рассматриваемые сами по себе, добры*, то есть приемлемы, и было бы не только напрасно, но в то же время вредно и достойно порицания пытаться искоренить их...»². Однако эти же естественные влечения, если они не культивируются в духе моральных законов, оказываются, если не прямо, то косвенно, причастными к моральному злу. В этой связи Кант замечает: «...собственно зло состоит в том, что этим влечениям, когда они побуждают к нарушению закона, *не хотят* противодействовать. И этот-то образ мыслей и есть, собственно, наш истинный враг»³.

Таким образом, моральное зло коренится в таком образе мыслей, который противодействует нравственному закону. И, соответственно этому, моральное добро предполагает принципиально иной образ мыслей, содействующий выполнению морального закона. Борьба между началами добра и зла развертывается, следовательно, в сознании, в сознательных действиях, поступках человека.

Идея нравственного самосовершенствования личности — одна из важнейших идей всей предшествующей философии — находит в учении Канта всестороннее и принципиально новое по своему содержанию развитие. Философы эллинистической эпохи (стоики, эпикурейцы, скептики) считали моральное совершенствование исключительно делом отдельно взятой личности. Просветители XVIII века, напротив, выводили моральные качества личности из социальной среды, недооценивая значение личностной инициативы в становлении нравственного облика человека. Кант одинаково далек от этих крайних односторонних воззрений. Он высоко оценивает личностное начало, внутренне присущую человеческой личности свободу, определяющую нравственный или, напротив, чуждый подлинной нравственности образ мыслей. И вместе с тем Кант глубоко осознает взаимозависимость индивидов в обществе, значение социальных учреждений в личной жизни людей. Ведь республика, согласно его учению, является одним из постулатов чистого практического разума. А это означает, что нравственный облик членов общества, как бы ни было автономно моральное сознание, находится в определенной зависимости от социальных отношений. Кант разграничивает «юридическое естественное состояние», которое он характеризует как состояние войны каждого

против каждого, и гражданское общество, в котором осуществлен принцип республиканизма (разделение властей). Если «этическое естественное состояние есть публичная взаимная вражда принципов добродетели и состояние безнравственности», которое люди должны стремиться покинуть как можно скорее, то отсюда следует вывод, что «высшее нравственное благо не может быть осуществлено исключительно посредством стремления отдельного человека к моральному совершенствованию, а требует объединения людей в одно целое ради той же цели...»⁴.

Таким образом, Кант не только преодолевает крайности этических концепций стоицизма и просвещения; он осуществляет синтез основных этических идей обоих философских течений на принципиально новой основе. Моральное совершенствование непременно предполагает социальное переустройство, но последнее создает лишь благоприятные условия для нравственной самодетельности личности. Кант, следовательно, убедительно вскрывает иллюзорный характер тех убеждений французского просвещения, согласно которым упразднение феодальных общественных отношений само по себе приведет к нравственному оздоровлению общества и всех его членов.

К. Маркс характеризовал философию Канта как немецкую теорию Великой французской революции. Говоря о *немецкой* теории, Маркс имел в виду политическую слабость, национальную раздробленность немецкой буржуазии. Это историческое обстоятельство, несомненно, нашло свое отражение в философии Канта и его продолжателей. Но оно, это обстоятельство, несколько не объясняет превосходства философского учения Канта (и его этической теории в частности) над идеями французского просвещения.

Кант, несомненно, испытал на себе влияние французского просвещения, в особенности учения Ж.-Ж. Руссо. Французская революция, безусловно, оказала на Канта громадное влияние, что вполне видно из его высказываний о революции вообще. Важно, однако, отметить, что Кант критически воспринял исторический опыт Французской революции и, осуждая якобинскую диктатуру, пришел к выводу: «...горе законодателю, который установления, направленные на этические цели, захочет осуществить путем принуждения! Таким путем он не только создал бы нечто прямо противоположное этическому, но и подорвал бы и сделал неустойчивыми даже политические основы»⁵. Этот вывод Канта звучит как гениальное предвидение и осуждение той социальной практики, которая позднее привела к трагическим последствиям в нашей стране.

Таким образом, нравственное совершенствование есть, согласно учению Канта, и индивидуальный, и социальный процесс. Утверждение гражданского общества и преодоление тем самым этического естественного состояния создает прочную основу для нравственной самодетельности личности, которой

принадлежит решающая роль в становлении морального образа мыслей. «Если человек,— говорит Кант,— в моральном смысле бывает или должен быть добрым или злым, то он сам себя должен делать или сделать таким. И то и другое должно быть результатом его свободного произвола; иначе и то и другое не могло бы быть вменено ему» (4 (2), 48).

Нравственное сознание, по учению Канта, автономно, то есть не зависимо от внешних по отношению к нравственности мотивов. Более того: внешние мотивы сообразного с категорическим императивом поступка делают его не нравственным, а только легальным, то есть соответствующим юридическим установлениям. Автономия нравственности означает, что уже сама только идея долга вполне достаточна в качестве мотива моральных поступков. Отсюда следует вывод о независимости морального сознания от религии. Однако отношение кантовской этики к религии не исчерпывается этим основоположением, непосредственно вытекающим из кантовского понятия чистого практического разума. Ведь постулатами чистого практического разума, которые не следует смешивать с мотивами, определяющими человеческие поступки (Кант неоднократно предупреждает против такого смешения), являются признания существования Бога, личного бессмертия, загробного воздаяния. Эти постулаты — не логические допущения, а вера чистого практического разума, которая отличает его от эмпирически обусловленного разума. Таким образом, религиозное сознание, вера, хотя и не может быть мотивацией моральных поступков, непосредственно участвует в становлении, формировании нравственного сознания. Поэтому и совесть, согласно Канту, должна мыслиться как субъективный принцип личностной ответственности перед Богом. Это сознание ответственности Кант непосредственно связывает с образом Христа, сына божьего, в природе которого нет места злему началу. Он пишет: «Живая вера в первообраз угодной Богу человечности (в сына божьего) *сама по себе* относится к моральной идее разума...»⁶.

Подводя итоги анализа кантовского учения об изначально злом в человеческой природе, можно сказать, что это учение не имеет ничего общего с пессимистическим истолкованием сущности человека. Название рассмотренной нами кантовской работы не должно вводить в заблуждение. Кант акцентирует внимание на изначально злом в человеческой природе, указывая вместе с тем на наличие в ней изначально доброго, которое и есть не что иное, как чистый практический разум. Борьба между принципами добра и зла, образующая, согласно Канту, основное содержание нравственного развития как отдельной личности, так и всего человечества, представляет собой исторический процесс, в котором добрая воля постепенно завоевывает господствующие позиции.

Кант исполнен веры в лучшее будущее человечества, кото-

рое он связывает с установлением вечного мира между народами, то есть таких отношений между ними, которые делают возможным этическое сообщество народов. Г. Функе, известный исследователь философии Канта, используя одно из изречений этого философа, справедливо указывает, что человек в ракурсе кантовской философии «есть такое существо, которое признает возвышающееся над ним звездное небо и внутренне присущий ему моральный закон»⁷. Таким образом, учение Канта об изначально злом в человеческой природе представляет собой учение о путях и средствах преодоления злого, аморального начала.

¹ И несколько ниже Кант возвращается к этой мысли с вопросом о нравственном совершенствовании человека: «Каким же образом может злой по природе человек сам себя сделать добрым,— это выше нашего понимания...» (4 (2), 48).

² Кант И. Трактаты и письма. М.: Наука, 1980. С. 126.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 166.

⁵ Там же. С. 164.

⁶ Там же. С. 190.

⁷ Funke G. Von der Aktualität Kants. Bonn, 1979. S. 52.

От редколлегии и правления «Российского Кантовского общества»

Публикуемая посмертно статья венчает многолетний труд профессора Игоря Сергеевича Нарского над адекватным прочтением и пониманием Канта. Он был одним из создателей этого ежегодника, непременным членом редакционной коллегии и единственным автором, выступившим со статьями во всех 18 его выпусках. Он был среди учредителей «Российского Кантовского общества» и входил в его правление. Деятельной энергии этого выдающегося ученого во многом обязано само существование калининградского кантоведения. Для нас Игорь Сергеевич Нарский был мудрым учителем и старшим другом, умело пестовавшим новое поколение историков философии, исследователей творчества Иммануила Канта. Труды заслуженного деятеля российской науки способны вызвать на свет божий еще много плодотворных идей. Без связей такого рода оборвалась бы сама жизнь науки.

И. С. НАРСКИЙ

(Российская Академия Управления)

Развитие этических идей в «Религии в пределах только разума»

Воззрения Канта на веру получили в «Религии в пределах только разума» подробное обоснование, а также развитие. Это было связано отчасти и с тем, что в этом сочинении получила